«Я НЕ ЧУВСТВУЮ БЕРЕЗУ, КАК ЕЕ ЧУВСТВУЕТ ЕСЕНИН».

Posted on 29. Januar 2021 by Günay Rza

Интервью с современным азербайджанским писателем, переводчиком, лауреатом "Русской премии" 2014 года Ниджатом Мамедовым.

Мы встретились с Ниджатом Мамедовым в одном из городских кафе недалеко от станции метро имени Наримана Нариманова считавшемся раньше одним из самых русскоязычнох районов города Баку.

Молодой человек, воспитанный в традиционной азербайджанской из посёлка Ахмедлы (один из спальных районов на окраине города), с ярко выраженными южными чертами, широкими бровями, смуглый в лице, с густыми волосами и большими серьезными карими глазами, как ни парадоксально, не вписывается в ожидаемый канонический образ известного русскоязычного поэта, – с должной самоиронией признавается на русском языке, пронизанным сугубо бакинскими интонациями, что скорее всего обязан своим фенотипом дедушке из иранского Азербайджана. Многие азербайджанцы переехали из Ирана в северный Азербайджан во время нефтяного бума в начале прошлого века. С приходом советской власти многие были изгнаны, но некоторым всеже удалось остаться.

Из разговора с Ниджатом чувствуется его сознательная дистанцированность от политических вопросов, что не очень характерно для молодых известных писателей СНГ. Многие из них предпочитают действовать согласно утверждению Булгакова: "Писатель всегда будет в оппозиции к политике, пока сама политика находится в оппозиции к культуре" и выражать в своем творчестве наряду с другими темами политический протест.

Позднее, когда Ниджат в интервью критикует азербайджанских писателей советского периода за недостаток асоветского творчества, потому что "советское и антисоветское не интересно", "это только противоположные стороны одной медали", становится ясно, что именно эту экспериментальнаю, аполитичную идеологически свободную линию азербайджанской поэзии, он (возможно) безсознательно пытается в своем творчестве создать, ту линию, которой он по его словам так "завидует" в русской поэзии.

Но с готовностью и открытостью автор рассказывает о своей болезни, буллинге в школе, терапии и ее

"ощутимом" влиянии на творческий процесс. Которые продолжают во многом формировать его повседневную жизнь и сделали его "таким, какой он есть сегодня".

Его сопровождает на интервью жена, которая, по его словам, является его "главным читателем и цензором". Иногда он вопросительно посматривает в ее сторону; в ответ она одобрительно кивает и улыбается.

Гюнай Рзаева: Здравствуйте Ниджат, спасибо, что согласились на это интервью. У меня, к сожалению, мало информации о том, как складывался ваш творческий путь. Когда Вы начали первые стихи писать?

Ниджат Мамедов: Ну я не знаю, как называть это путем, насколько это релевантно. Пишу более-менее систематически с 15 лет, с 11 класса. Потом поступил на филфак, у меня дома много филологов: мама, отец, тетя. С детства был окружен книгами, и из-за замкнутости характера я больше склонялся к общению и контакту с книгами, нежели с людьми. Т.е. познавал жизнь не напрямую, а опосредованно через книги. Я думаю всё было предрешено, и учеба на филфаке мне казалась более подходящей, нежели другие предметы.

Г. Р.: А филфак в Славянском Университете?

Н. М.: в БГУ.

Г. Р.: В новой Литературной Карте России было написано об азербайджанском вузе, название было неправильным?

Н. М.: В Славянском я 2 раза пытался преподавать, меня пригласили туда, тогда открылся факультет, вроде литературных курсов при Славянском университете, я пытался вести со студентами, которые писали, что-то вроде воркшопов, 2-3 раза, потом я убежал оттуда. Потому что самокритичность не позволила, с одной стороны. Мне было всего лишь 26-27 лет, и я не думал, что что-то из себя представляю в качестве педагога, что имею право что-то доносить, что-то говорить им. Я пытался расширить их кругозор, советовал почитать Набокова, а не Коэльо, на котором они застряли. Они думали, что литература ограничивается Коэльо и другими популярными авторами, я сказал, что нет, существуют другие имена, и они тоже заслуживают внимания, вот и всё.

Г. Р.: Набоков для вас такой авторитет?

Н. М.: У меня неоднозначное к нему отношение. Я понимаю, что в техническом плане он очень силен, он мастерски пишет. Но то, что он аннексировал метафизику в своих сочинениях… там нет метафизики… Набоковские игры чисто эпистемологические, т.е. там нет прорыва в затекстовое пространство. Миром текста все ограничивается. И вот это болезненное ощущение меня отталкивает, но в то же время я понимаю, что он выдающийся писатель. Многому можно научиться у него. Он один из выдающихся билингвов, наряду с Конрадом, Беккетом, Бродским.

Г. Р.: Что Вас особенно сформировало как поэта? Какие писатели, поэты?

Н. М.: Мне очень сложно давалась литература в детстве, чисто прикладная сторона, я совершенно не мог зубрить стихотворения, я не мог запоминать, но в детстве любил читать мифы. Когда я болел, мама подарила мне сборник мифов Древней Греции. И вот я искал какой бог для меня более симпатичен, более подходящий. Это был мир, в котором я неплохо ориентировался, а вот зубрежка стихов мне не давалась. И это стало получаться только в 15 лет, в 11 классе, когда я познакомился с Маяковским, я прочел тогда раннее творчество. Я до сих пор его обожаю, его поэму «Облако в штанах», прочитав это 3-4 раза, я запомнил ее наизусть. Это был образец сильного автора.

Я тогда увлекался рок-музыкой, пробовал играть на гитаре, и вот Маяковский мне казался рокером, по сравнению с Блоком и другими, которые мне казались попсовыми. А Маяковский – харизматическая личность, отсидевший в тюрьме, с бритой головой, причем он ассоциировался у меня с панками.

В Баку в начале прошлого века приезжали футуристы, они ходили с деревянной ложкой в петле, красили волосы, желтые жилетки, это было так вызывающе, интересно. И, естественно, 15-летнему подростку, у которого играют гормоны, это было очень близко и понятно. И параллельно с Маяковским я прочел в ту пору книгу «Путевка в ад» . Это была книга о вреде наркотиков. Там среди прочего говорилось о влиянии наркотиков на литературу, назывались имена Шарля Бодлера, «Поэма о гашише», Де Квинси, «Исповедь опиомана», а также цитировались стихи битника Аллена Гинсберга, написанные под наркотиками, и меня это очень впечатлило буйством образов. И так получилось, через пару лет, когда я учился в университете, мне подарили книгу Берроуза «Обед нагишом», это заметное произведение битничества, 59 года произведение. Это на меня повлияло. Еще был учебник «Свод литературных терминов» и вот там я читал про экспрессионизм, сюрреализм, сам пробовал что-то писать. Но учебник был хороший, в 11 классе там можно было прочесть про Бродского. Там было его стихотворение, сводка о том, что он Нобелевский лауреат. Там были стихи Парщикова. Мы в 11 классе знали, кто такой Парщиков, кто такой Жданов, метареалисты. Наверное, это остатки имперского сознания, мышления.

Г. Р.: Очень интересно. А какая школа?

Н. М.: Это обычная, заурядная 63- я школа, полукриминальная в ту пору, ее многие боялись, так как там не работали «понятия». В классе 8-9-м мне даже приходилось брать с собой нож, чтобы отпугивать обидчиков. Я пошел в школу раньше, потому был младше и меньше остальных. Так что с буллингом знаком на собственной шкуре. В то время моя мать ушла сама и увела нас, меня и двух сестер, в секту пятидесятников. Там мне тоже основательно промыли мозги: вспоминаю эпизоды, когда стоя на коленях в окружении таких же коленопреклоненных взрослых, бормочу тарабарщину. По-научному – это глоссолалия. А сами пятидесятники называли это «говорением на святых языках». Библия говорила о смирении и терпении, но в школе этот принцип не работал. Чем дольше я молчал, тем больше становилось насилия. Однако родным удалось вытащить нас оттуда; меня в качестве отвлекающего маневра записали на спорт. Я ходил в качалку, и потом немного на дзюдо, стал крепким и бесстрашным. И о чудо! После того как я дал сдачи нескольким шакалам, свора от меня отстала. Именно это ощущение, испытанное подростком, смесь бесстрашия, одиночества и свободы, позволяет мне сегодня наслаждаться страницами таких авторов, как Юнгер, Боулз, Чоран. Я вижу братьев по духу. И в то же время понимаю, что этот травматический опыт – буллинг, секта пятидесятников, как и генетическая предрасположенность, – привел к тому, что я уже двенадцать лет живу с инвалидностью по причине биполярно-аффективного расстройства. Биполяркой страдают многие поэты.

Г. Р.: Каково быть русскоязычным поэтом в Азербайджане? Чем обусловлен выбор языка? Сравнивали ли вы свой опыт русскоязычия с другими азербайджанскими писателями?

Н. М.: Мое преимущество в том, что я не отношусь свысока ни к азербайджанскому, ни к русскому языкам. У нас азербайджаноязычная семья, но выбор образования на русском языке – это заслуга мамы, она сама не знает языка, понимает его, говорит с ошибками, но она мечтала знать русский язык, и через него иметь доступ ко всей мировой культуре. Во времена Народного фронта , отец боялся, сказал давай переведем в азербайджанский сектор . Она воспротивилась, и я с сестрами получили русскоязычное образование. Но дома всегда звучала азербайджанская речь, мама свободно цитирует от Физули до Джавида, все это проникает в мой слух. Пословицы, поговорки, фольклор наш. У нее хорошая память, она преподает в школе азербайджанский язык и литературу, и я комментирую некоторые ее фразы. Те фразы, которые она озвучивает на азербайджанском, пословицы, поговорки, устойчивые выражения, я на них смотрю чуть отстраненно с позиции русского языка, и они для меня раскрывают немного другой смысл, возникает эффект отстранения.

Я до сих пор не писал на азербайджанском, в прошлом году только начал писать на азербайджанском, хотя много переводил с азербайджанского языка. Я не печатал и вряд ли буду печатать эти опыты, напоминающие опыт московских концептуалистов – Пригова, Рубинштейна.

Я так много переводил традиционной силлабики, так от нее устал, что исторгаю ее: беру эту форму, строфику беру, семисложник, восьмисложник, и начинаю просто матерно ругаться в стихах на азербайджанском, исторгаю из себя весь этот бред. Но вряд ли это стоит печатать, потому что это аффекты, а не экспрессия. Я думаю, необходимо опираться на светоносные вещи, я могу все темное из себя исторгать, бумага все стерпит, но распространять это особо не стоит. Но опыт письма на азербайджанском в устоявшихся формах стал как бы подготовительным этапом. Я сейчас пишу на азербайджанском языке тексты, в которых опираюсь на расшатывание грамматических, синтаксических конструкций. Я ломаю их, немного деформирую эти грамматические категории, и пытаюсь писать некие экспрессивные вещи на азербайджанском языке. Там элемент случайности тоже присутствует, потому что я устал от себя, потому что я написал все, что мог знать, и все, что находил в процессе письма, а теперь хочу писать то, что было бы новым для меня самого, как для читателя.

Берроуз в своих романах тоже использовал элемент случайности, техника называется cut-up, техника восходит к дадаистам, Тристан Тцара говорил, что лучшее стихотворение – случайное стихотворение, берется бумага, разрезается и из шапки достаете в случайной последовательности. А Берроуз это модифицировал, он вырезал какие-то фрагменты, менял их местами, перемешивал, складывая в более объемные тексты, в романы. И вообще это присуще американскому искусству. Я пробую отталкиваться от схожих принципов в своих последних текстах как на русском, так и азербайджанском языке. Я беру какие-то блоки текстов, пропускаю через алгоритм, который перемешивает все в случайном порядке, а затем вытягиваю осмысленные куски, занимаюсь отбором и компоновкой. Получается для меня это интересно. «Есть логика в том, что я начинаю с хаоса, и это наиболее естественное начало», говорил Пауль Клее. А до него Ницше: «Нужно носить в себе ещё и хаос, чтобы быть в состоянии родить танцующую звезду».

Понимаете, после того как мне прописали литий (которому, кстати, посвящено немало стихов и песен), ушло вдохновение, т.е. гипомания. Не знаю как у других, но я знаком лишь с одной формой вдохновения, и это гипомания. И в моем случае гипомания – составная часть моего биполярного расстройства. Литий сделал меня адекватным, социально устойчивым. А вот ушедшее вдохновение, когда за долю секунды в сознании свершались сотни словесных операций и неожиданных комбинаций, я решил компенсировать цифровым образом. Как сказано у Пушкина, «И случай, бог изобретатель». Я уповаю на этого бога. В конце концов, поэту надо делать одно – «надо знакомить слова» (Мандельштам). Обстоятельства привели к тому, что я делегировал рутинную работу по комбинаторике машине, а себе оставил самое сложное – выбор и трансформацию той либо иной последовательности. Да, эти эксперименты немного напоминают письмо нейросетей. Но как мы помним по Рембо, «поэт должен быть абсолютно современным». Современные же стихи пишутся из будущего, из предельной точки языка и человеческого.

В то же время это письмо ставит передо мной ряд важнейших вопросов. Чем является для меня случайность? Хаосом или гигантским порядком, который человек не в состоянии постичь? Эта стихопроза пишется или конструируется? Какой потенциал таится в столкновении различных, противоречащих друг другу дискурсов? Освободительный? Революционный? Что означают нарушения грамматики и синтаксиса? Бунт против тоталитарности нормативного языка? Поиск первичного, докогнитивного языка? Желание создать новые связи

между элементами социума, создавая новые связи между частями речи?

И напоследок: я бы не стал ничего менять, ибо во всем этом просматривается некая логика. Зачастую именно поломка механизма позволяет узнать нечто о внутренностях. Так и в моем случае. Душевная болезнь привела к знакомству с психической жизнью, ее устройством. А прием медикаментов – к прощанию с романтической концепцией творчества, к прощанию с иллюзиями.

Г. Р.: Вот если сравнить с рамками языка у Гусейнова (так как речь идет об азербайджанском) для него на мой взгляд рамки языка очень важны, он как бы боится нарушить структуру. Вы не боитесь?

Н. М.: Я не боюсь. Я вспоминаю Делеза , я его с трудом понимаю, но в его книге «Критика и клиника» есть хорошая фраза: Писатель должен писать на своем языке как на чужом, он должен кроить внутри собственного языка какой-то другой, иностранный язык. Потому что у писателя нет другого варианта, если рассудить. Писатель — это тот человек, который понимает, что все слова придумали до него, у него нет своих слов. Либо он должен скатиться в какую-то заумь дадаистскую и тогда его никто не поймет, либо же он должен быть хорошим стилистом. Можно оставаться в пределах общего языка, но делать там такие мельчайшие изменения-сломы, которые будут твоими, но оставаться понятным. Как Платонов, например. Он вроде бы и свой, но и в то же время чужой. Часто его противопоставляют Набокову.

Г. Р.: Я бы хотела медленно перейти на тему переводов и задать первый вопрос о премии, которую Вы получили за лучший перевод.

Н. М.: Да, это 2004 год, премия Министерства Молодежи, Спорта и Туризма, за перевод стихов Акшина . Есть такой поэт, сейчас он пишет прозу, старше меня года на 4. Интересный очень поэт. Моё отличие от русскоязычной аудитории и писателей в том, что я проявлял интерес к азербайджанским авторам, они были для меня интересны, казались пассионарными, свежее. Может у них нет большого бэкграунда, как у местных русскоязычных авторов, они не апеллируют к Серебряному веку, но там есть молодая дерзость и сила. Мои переводы Акшина выходили в журнале «Литературный Азербайджан».

Г. Р.: Русская премия за 2014?

Н. М.: Да, за книгу «Место встречи повсюду», издательство «Русский Гулливер», у Андрея Таврова и Вадима Месяца. В этой книге 20 стихотворений, 9 эссе и 2 интервью, авторский сборник. Я особо к премии не

стремился, узнал, что издательство само номинировало книгу и мне сообщили, что я занял 3 место.

Г. Р.: Вы упомянуты как поэт в новой карте русской литературы. Сайт Кузьмина. Раньше по-другому называлось. Долгое время шли дебаты о названии русская, русскоязычная, российская литература.

Н. М.: Мне нравится фраза Гольдштейна, это бакинский еврей, покойный, великолепный писатель. Его первая книга вышла, когда ему было 40 лет и он получил за нее сразу 2 диаметрально противоположные премии, Букера русского и Антибукера. За «Расставание с Нарциссом». А во второй книге, в последнем эссе он обращается к провинциальным писателям, и говорит, что ваша литература не русская, а русскоязычная и это хорошо, держитесь за свое иноземное областничество, потому что это, в будущем, будет питать метрополию, будет питать сам русский язык, он будет жить и развиваться за счет сломов на окраине. Поэтому, как рабочий термин, применительно к себе, я употребляю понятие русскоязычная литература.

Мое письмо не опирается на русскую ментальность, только язык русский, да и то, какой-то кривой русский. Когда я раньше искал свой голос, я понимал, что идти по пути Есенина, как делали русскоязычные писатели Азербайджана, это не совсем честный путь. Если бы я был этническим русским, то мог бы попробовать, но я азербайджанец. Я не чувствую березу, как ее чувствует Есенин. Для меня важен Апшерон, солончаки, пустынная зона, соленый ветер, т.е. какие-то архетипы, которые присущи мне. Я в детстве ел не куличи, а халву, которую женщины готовили, т.е. совсем другой антураж. Я мучился, искал, и вот, по совету Ильи Кукулина, я прочел нескольких авторов и увидел родственную душу в Шамшаде Абдуллаеве . Когда я прочел его, а также других ферганцев я узнал себя, увидел свое детство, понял, что на русском языке можно писать совершенно иначе. Да есть и другие русскоязычные писатели, Геннадий Айги, чуваш, тюркские корни и пишет на русском совершенно иначе. Тот же Гольдштейн, Абдуллаев. Аркадий Драгомощенко родился на Украине, переехал в Петербург, пишет на русском, вкрапляя украинскую речь, апеллируя ко всей мировой культуре от буддизма до постструктурализма, т.е. это уникальный такой автор. Многие пошли по пути Бродского, между ними небольшая разница, Бродский 40-го года, Драгомощенко 46 г.р. Но сейчас я наблюдаю, что опыт Драгомощенко для молодых поэтов краеугольный.

Г. Р.: Когда Вы начали первые переводы делать? Вы переводите писателей других и поэтов, и когда, на ваш взгляд, перевод является удачным? Есть разные теории, что перевод закончен, если есть посыл, то, что автор хотел передать. Когда вы считаете, что перевод удачен?

Н. М.: Я начал заниматься переводом еще в университете, у нас был предмет переводоведение, мне он казался интересным, и тогда, шутки ради, я переводил, мне удавалось ритмично и в рифму. Я в шутку переводил Бахтияра Вахабзаде с какими-то смешными рифмами. А по-настоящему в профессию меня ввел

Салим Бабуллаоглу, замечательный поэт и просто хороший человек. Сейчас я перевожу по большей части на заказ ради куска хлеба. Это единственное, что я могу делать ради заработка. Бывает, пишу статьи иногда.

Судить об адекватности/успешности перевода сложно. Я многих переводил за деньги, а многих и бесплатно. Бесплатно я перевожу тех авторов, которые мне близки и которые мне нравятся. Я их не только бесплатно переводил, но и старался продвигать, отправлять в разные журналы, писать предисловия, какие-то врезки. Были большие публикации в Арионе в 2006 и 2007 гг. В Дружбе Народов, в Textonly была публикация. До сих пор, то, что мне нравится, я стараюсь переводить бесплатно и продвигать это. Но есть то, что я вынужден переводить ради заработка и я не могу судить об этих переводах. Авторы сами настаивают, чтобы переводил, они хотят увидеть это на великом и могучем, думают, что, если я прилажусь к этому тексту, либо это будет хорошо, либо это дойдет до адресата и они получат кучу наград, чего не бывает на самом деле. Давайте говорить о хорошем, что я перевожу по любви.

Г. Р.: Вы переводите, в основном, с азербайджанского на русский?

Н. М.: Да, с русского на азербайджанский я перевожу любимых авторов только. Я переводил Шамшада Абдуллаева, где-то 20 стихотворений, переводил Иличевского пару стихотворений, статью Скидана, Аркадия Драгомощенко, Андрея Таврова, Евгению Суслову. Я хочу, чтобы это было на азербайджанском языке и это получает отклик, выходит в местных журналах, в журнале „Quyu“. Есть ребята, которые наконец-то переводят Платона с древнегреческого на азербайджанский, делают большую работу. Выходят переводы в журнале, и ребята сами просят, чтобы было продолжение, люди читают, обсуждают это. А то, что на русский перевожу по любви, например, Акшина, Гамида Херисчи, Расима Гараджа…..этих вот авторов. Они тоже интересные русскому читателю, приходят письма, с интересом это воспринимают и всегда просят о продолжении.

Г. Р.: А из своих произведений Вы переводите что-то на азербайджанский?

Н. М.: Я пробовал переводить несколько стихотворений, просто я отчаялся найти переводчика, многие отказались, говорят очень сложные стихи, вся эта игра слов. Я попробовал сам пару стихотворений озвучить на азербайджанском.

Г. Р.: Какие критерии у Вас для перевода? Трудно игру слов передать? Учитываете читателя?

Н. М.: Читателя не учитываю. Читатель в первую очередь – я сам, моя жена, мои друзья. Потому что поэзия –

это разговор самим с собой, от безысходности или одиночества, но тут важен ты сам, как читатель. И ты переводишь в данном случае не пословно, сам принцип игры переводишь, а не детали. Можно убрать один из формальных элементов, а другие оставить, тогда ты добиваешься большей смысловой точности, правда теряешь структурные какие-то качества.

Гаспаров предлагал такой подход при переводе вагантов средневековых, называл конспективным переводом, он мог позволить себе стихотворение в 30 строк перевести в 10 строк. Он учитывал реципиента, делал выжимку, как конспект, и переводил этот конспект. Разные подходы существуют, я не знаю, все ли они правомочные, зависит от ситуации. У Эко помните книгу о переводе ? Сказать почти то же самое. Почти. Не то же самое, а почти.

Анализом переводов на современный азербайджанский мало кто занимается. Мне кажется, переводчики в том числе, сейчас играют большую роль в формировании литературного языка в Азербайджане. Всё-таки он очень мягкий еще, и можно использовать из других языков какие-то слова или формировать свои новые слова.

И писатели тоже, наверное. Надо покритиковать писателей советской поры, азербайджаноязычных писателей советской эпохи за то, что они не стали писать какие-то экспериментальные вещи. Я всегда с завистью смотрю на то, что у русских в советское время была советская литература, была антисоветская литература, диссидентская, но была еще асоветская литература, которая эстетически противостояла системе, она просто искала новые ходы. Например, П.Улитин, да он писал в стол, но он писал какие-то экспериментальные вещи, делал искания параллельные исканиям Джойса, или же концептуалисты те же, Всеволод Некрасов. Да, это только потом они стали печататься на Западе, но они не боялись, это была компания, она могла состоять из 3-4 людей, они общались, экспериментировали с языком, писали в стол. У нас этого не было, я не знаю почему. У нас нечто такое асоветское, не анти, это тоже не интересно, это противоположный полюс того же самого, было в живописи, была такая апшеронская школа, состояла из 5 художников: Ашраф Мурад, Джавад Миржавадов, Тофик Мирджавадов, Горхмаз, Расим Бабаев. Про них снят документальный фильм, вот они могли в советское время с буханкой хлеба в сумке уйти куда-то в степь и искать необычные образы, вот то, что было более-менее параллельное западным исканиям, это касаемо живописи. И чуть-чуть в музыке. А в литературе стало появляться только в конце 80-х с началом «Мейдан хярякяти» , когда люди стали стекаться на разные площади. И уже потом в 2000-х, когда Гамид Херисчи, Расим Гараджа, Мурад Кёхнегала и Азад Яшар основали «Азад язарлар оджагы» и стали выпускать журнал Алаторан, я там печатался. Он противостоял Союзу писателей, был в оппозиции, о политической стороне судить не берусь, но эстетически они были инаковыми.

Мне кажется, что определенная отсталость в языке связана с тем, что у нас несколько раз меняли за короткое время алфавит.

Не только алфавит. Мы же маленькая страна, с кем мы общались? Например, Гусейна Джавида почитайте, там столько турецких слов, и окончаний турецких.

Еще Ахундов критиковал влияние ислама на язык, потому что ислам ставит очень жесткие рамки для развития.

Мы нуждаемся в революции, которая произошла в Германии, когда Лютер перевел библию на немецкий, и

пошел толчок отделения, самосознания. Ведь ислам этого не позволяет, он сакрализует арабский язык, говоря о том, что истинная молитва возможна только на арабском. Да, Коран переведен на азербайджанский, он существует в 5-6 переводах, но богослужения на этом языке нет.